

ДАРЬЯ МОРОЗ:

«НЕУДАЧА ОТБРАСЫВАЕТ АКТЁРА НАЗАД»

Дарья Мороз родилась 1 сентября 1983 года в Ленинграде. Отец — актер, ныне режиссер Юрий Мороз, мать — актриса Марина Левтова (трагически погибла в феврале 2000 года. — Прим. ред.). В 2003 году Дарья окончила Школу-студию МХАТ. Она очень яркая театральная актриса, играющая в спектаклях МХАТ им. А.П. Чехова, а также одна из самых востребованных молодых киноактрис, на счету которой уже около тридцати ролей, в том числе и в таких знаменитых фильмах, как «Саломея», «Штрафбат», «Точка», «Апостол», «Живи и помни», и других. Три года назад Дарья окончила еще и продюсерский факультет Высших курсов сценаристов и режиссеров. Взрослая, самостоятельная, серьезная девушка, настоящий профессионал, к своей профессии относится очень трепетно и считает, что главное для актрисы — всегда быть разной. И на съемочной площадке, и в жизни...

В прошлом году Дарья получила кинематографическую премию «Ника» за лучшую женскую роль в фильме «Живи и помни».

— Что общего между ролью Настены в фильме «Живи и помни» и вашей театральной работой?

— Я благодарна режиссеру, что мы снимали эту историю в хронологическом порядке и у меня было время на раскачку. Поначалу режиссер вытягивал из меня такую смурную девочку, с тяжелым взглядом. Постепенно моя Настена расцветает от любви. Во время съемок я была так погружена в эту роль, сосредоточена и замкнута, находясь в режиме экономии энергии, что не было сил даже на улыбку и лишние слова. Я до сих пор словно пустая, хотя съемки давно закончились. Такие роли и дают, и отнимают силы в равной мере. Режиссер и выжал силы, и дал их. Просто должно пройти время, чтобы проросли новые зерна.

— Вам всего 25 лет, но вы уже преподаете в Школе-студии МХАТ. Любопытно: а когда вы сами научились выстраивать роль?

— Для меня был серьезный скачок на третьем курсе, когда я начала играть в спектакле «Вечность и еще один день» на сцене МХТ. И очень многое мне дал Александр Анатольевич Прошкин. Я даже не подберу слов, чтобы выразить свое отношение к нему. Он уникальный человек и многому меня научил за небольшой отрезок времени съемок.

— Говорят, что вам делали грим, скрывающий красоту: веснушчатое лицо, бесцветные волосы. Это помогло вжиться в роль?

— Прошкин такой хитрый! Он показал другую природу красоты — какое-то мощное материнское начало женской любви. Он вытащил из меня все женственное и положил на пленку. Причем исподволь. Я смотрела отснятые сцены и не понимала, как он добился от меня результата. Мне нравится, что эта история любви лишена ярких темпераментных сцен, но это яркая история, построенная на нюансах.

— Кинематографический образ Настены как-то повлиял на театральную работу на сцене

Художественного театра?

— Настена стала более приземленной. В ней стало больше от бабы. Сначала режиссеру Владимиру Петрову это не очень понравилось: он любит четкие границы дозволенного у актеров. Но потом он одобрил. Я меняюсь, взрослею, и роль меняется.

— Вы знаете историю о том, как мучилась Вивьен Ли из-за того, что ее леди Гамильтон в фильме получилась уж очень рафинированной?

— При этом в ее глазах есть такое лисье...не могу подобрать слова... И это потрясающе! Если бы я могла так смотреть, как это делает она! Я бы стала суперзвездой. (Смеется.) Умение производить впечатление — это тоже составляющая актерской профессии. Я учусь, глядя на Анжелину Джоли, Моника Белуччи. Помню, как мой папа рассказывал, что увидел Моника на Венецианском кинофестивале: «Никакая пленка не передаст мощного, почти радиационного, облучения ее красотой».

— В этом плане, наверное, пригодился опыт работы над фильмом «Накинский пейзаж», где вы играете эдакую смесь Мэрилин Монро и Ренаты Литвиновой?

— Да, это хорошее пополнение моей актерской копилки. Режиссер Валерий Рубинчик увидел меня такой невероятно женственной, с текучей пластикой. Такой имидж — это, в принципе, путь к успеху. Режиссер заставлял меня в кадре смеяться, когда хочется плакать, и наоборот. Он доставал из меня, прагматичной и по-современному жесткой женщины, иррациональность. Наверное, он сломал мой жизненный стереотип, за что я благодарна. Я смотрю на экран и до сих пор не верю: это я. Вот кайф актерской профессии.

Конечно, мне очень помог и мой партнер Костя Лавроненко, который своим рыцарским поведением тоже работал на мой новый имидж, на мое верное самочувствие в роли.

Второй мой партнер по филь-

му — актер Егор Баринов — там играет очень острый типаж, злодея, по-своему притягательного. Мне очень нравится его облик в этом фильме: он с лысым черепом, испещренным шрамами, с острым профилем. И сразу такой характер! И сейчас, встречая Егора с другой прической, я его все время пилю: побрей голову, стань другим. Так что мы с коллегами взаимными усилиями помогаем друг другу меняться. И в этом тоже отчасти и есть смысл широкого понятия актерской дружбы.

— Расскажите о многосерийном фильме «Апостол».

— Это серьезное мужское кино: фильм о разведчиках во время войны. Евгений Миронов в главной роли, он и худрук проекта. Я играю Лиду, жену его героя. Это история двух довольно смешных людей, невероятно теплая, любовная, искренняя. Такая светлая лирическая история в этом суровом фильме. Я смотрела отснятые наши с ним сцены и осталась довольна. Я благодарна своему партнеру: он позволил мне быть тоже очень искренней. Не со всеми получается добиться теплого спокойного дыхания вдвоем в работе. Хорошая работа оператора Анатолия Петриги, который сумел это дыхание положить на пленку.

— Редко удается оператору не испортить актерскую работу?

— Нередко. На фильме «Живи и помни» работал Геннадий Васильевич Хорек. Он такие сделал

портретные крупные планы, что я готова в ноги поклониться. Этим двум операторам я благодарна за возможность увидеть себя другой, непривычной. Камера в профессиональных руках делает это очевидным.

— В фильме Гарика Сукачева «Дом солнца» вы снимались с перерывами два года. Такой утомительный марафон.

— Нет худа без добра. На втором этапе мы сдружились, и мне это дорого. За это время так сроднились со своими персонажами, что Гарик Сукачев к финалу съемок признался, что уже путает, где реальность, а где вымысел. Где актеры? А где Герда, Малой, Хуан, Скелет, Солнце? Мы невольно заигрались в своих персонажах. Это фильм о любви, такая молодежная история о хиппи. Изначально режиссер сплотил нашу команду одним приемом: мы кланчили деньги у прохожих на Арбате, а потом на эти деньги на пригородных поездах добирались до Санкт-Петербурга, как заядлые хиппи. Затем мы изучали особую культуру этой среды.

— Вы часто признаетесь, что прибегаете к советам отца. От чего он вас оберегает?

— От неудач. Риск, эксперимент — да. Но неудача отбрасывает актера назад, лишает уверенности.

— Говорят, что наступает время именно продюсерского кино. Вы сами получили диплом продюсера. Какие качества наиболее ценны в этой профессии?

— Рациональное и при этом творческое сознание. Здоровое чувство риска. Вкус. Хорошее тщеславие, замешанное не только на любви к деньгам, но и к первооткрывательству.